

B. IVANČIČ KUTIN. Krivopete: divje žene z nazaj zasukanimi stopali v slovenski folklori. Ljubljana, 2018. 174 s.

Б. ИВАНЧИЧ КУТИН. Кривопеты: divje žene с обернутыми назад ступнями

DOI: 10.31857/S0869544X0006822-7

Книга словенской фольклористики и этнографа Барбары Иванчич Кутин посвящена словенскому женскому мифологическому персонажу — кривопете, характерной особенностью которой являются обернутые назад ступни ног, что и послужило основной мотивировкой номинации этого демона. Как пишет автор в предисловии к своей книге, много лет работая в своем родном крае, в окрестностях Бовца, она ни разу не слышала от информантов рассказов о кривопетах и впервые столкнулась с ними лишь в Бенечии (Бенечия, или Венецианская Словения — часть Италии, где проживает автохтонное словенское меньшинство) случайно, во время работы над другим проектом. Оказалось, что у словенцев в Италии поверья, связанные с этим мифологическим персонажем, сохранились достаточно хорошо, свидетельством чему являются 47 вариантов мифологических рассказов о кривопетах, которые записала и опубликовала Ада Томазетич, местная жительница из д. Саржента (Sorzento), много лет проводившая полевые исследования среди жителей Бенечии [1]. Заинтересовавшись этой темой, Б. Иванчич Кутин решила предпринять дополнительные полевые исследования с другой стороны словенско-итальянской границы, в Словении, в районе Бовца и окрестностях. В результате ей удалось обнаружить следы кривопет в долине Тренты, в Брегиньском куте, Ливеке, Брдах. Свидетельства о кривопетах были

найжены также в других регионах за границами Словении. На территории современной Италии, кроме Бенечии, они были отмечены в Резии, на территории Австрии — в Каринтии, в регионах, где проживает автохтонное словенское население. Рассуждая о том, почему кривопетам удавалось столь долго избегать внимания фольклористов, Б. Иванчич Кутин приходит к выводу, что в экспедиции исследователь, как правило, получает ответы лишь на те вопросы, которые сам задает. Помимо ответа на поставленный вопрос информант может рассказать и многое другое, однако это ни в коем случае не означает, что он расскажет все, что знает. Если нет вопроса, скорее всего не будет и ответа.

Книга состоит из двух частей: первая часть представляет собой исследование, вторая — приложение, куда вошли тексты мифологических рассказов о кривопетах, которые автору удалось собрать по различным источникам. Кроме собственных полевых записей, Б. Иванчич Кутин привлекает архивные материалы и печатные источники (всего набралось 150 текстов). Самые ранние из архивных свидетельств относятся ко второй половине XIX в., записи принадлежат И.А. Бодуэну де Куртенэ, Ивану Тринко и другим выдающимся деятелям науки и церкви, чья деятельность была связана с этим регионом.

Во введении к книге автор дает определение демона *кривопета*, а также

локальные варианты номинации данного мифологического персонажа: *krivapete*, *krive pete*, *krivjopete*, *krivopetnice*, *patanoge*, *žalke* (*žalik žene*), *predopetnice*. Кривопеты являются исключительно женскими мифологическими персонажами и таким образом стоят в одном ряду с другими демонами, «дикими женами» (*pehtra baba*, *divje babe* / *žene*). Близки кривопетам и фриульские *agany* (Nsg — *agana*), они также описываются как женщины с обернутыми назад стопами, что, по мнению автора, может объясняться словенским влиянием на данной территории.

Отличительной особенностью словенских кривопет является достаточно ограниченный ареал их распространения — они известны только на западном пограничье словенского (и вообще славянского) этнического пространства, по обе стороны словенско-итальянской государственной границы, причем наибольшее количество свидетельств о кривопетах было зафиксировано в Венеции. В книге приводится карта, демонстрирующая распространение рассказов о кривопетах в пространстве Словении, Италии и всей Европы. Автор отмечает, что территория, на которой отмечены поверья о кривопетах, в основном имеет скалистый рельеф, горы перемежаются с ущельями, по которым текут ручьи, эти места удалены от больших городов. Согласно поверьям, кривопеты живут в пещерах, расселинах, рядом с водой поодиночке или группами, однако всегда это женщины, без мужчин.

Б. Иванчиц Кутин пытается поместить кривопет в широкий контекст мировой мифологии, находя им параллели в различных мифологических системах мира, начиная со свидетельства греческого этнографа Мегасфена (IV в. до н.э.), упоминавшего вывернутые задом наперед ступни диких народов, населяющих Индию. Поверья о существах с подобными ногами встречаются в Непале, на Филиппинах, в Центральной и Южной Америке. Этот факт объясняется с типологической точки зрения: любая телесная аномалия, деформация может выступать в качестве признака демонического; а деформации, связанные с ногами, — вообще очень частый признак мифологического персонажа. Если говорить о словенских и славянских демонах, деформация ног приписывается различным существам: например

farce (Бовец) и *vesle* (Горица) имеют на ногах конские копыта, козьи ноги — признак *белых вил* (Каринтия), лесной дикий муж представляется трехногим существом (Похорье), а хорватские *kevre* — демонами с зубами на коленях. Такое восприятие телесных аномалий относится к универсальным архетипическим явлениям, что и объясняет столь широкое распространение представлений о демонах с деформированными нижними конечностями в мировой мифологии. Почему речь идет именно о деформации ступней? Автор соглашается с другими учеными в том, что ноги (ступни) обладают амбивалентной символикой: с одной стороны, они связываются с душой (деформация ступней свидетельствует о деформации души), с другой — из-за непосредственной связи с землей они выступают в роли фаллического символа [2]. Вывернутые задом наперед ступни можно считать признаком демонического существа, наполовину человека, наполовину животного (птицы). Существо, обладающее такими конечностями, как бы принадлежит одновременно и человеческому, и нечеловеческому миру. Эта черта выступает в роли маркера, позволяющего опознать антропоморфное существо как демоническое. В качестве подобного рода маркеров часто используются признаки, находящиеся в оппозиции к человеческим: т.е. мир демонов оказывается как бы зеркальным отражением мира людей (ср. вывернутые задом наперед части тела, вывернутая наизнанку одежда; действия, противоположные действиям человека, и др.). Эту особенность ярко иллюстрирует пример с кривопетами.

Календарная активность кривопет иногда связывается с пограничными периодами: временем зимнего солнцестояния, временем поста; локусами их пребывания считаются леса, пещеры, водные источники, топкие места. Они часто выступают в роли защитниц природы и блюстительниц моральных норм. Некоторые информанты из Тренты вспоминали о том, что кривопеты и *пирты* (*pirte*) с зажженными за головой свечами ходили по домам в канун дня св. Николая (sv. *Miklavž*) и пугали детей. В Чеззоце на св. Николая практиковались обходы домов парнями, ряженными в пирт и кривопет. В окрестностях Бовца эти два персонажа начали смешиваться. Так еще

в 1959 г. словенский фольклорист М. Матичетов записал свидетельство, что детей, чтобы они не ходили к реке, пугали пир-тами, ноги которых якобы обернуты за-дом наперед (Трента).

В своей книге Б. Иванчич Кутин анализирует хронологию записей мифологических рассказов о кривопетах, пытаясь проследить динамику бытования этих рассказов, а также влияние предшествующих публикаций на последующие. Первое свидетельство о кривопетах относится к XVIII в., их упоминает ботаник Карл фон Цойс (1756–1799), сообщая о том, что его проводники боялись «кривопетниц», которые якобы жили в долине Триглавских озер. Первые рассказы о кривопетах дошли до нас от И.А. Бодуэна де Куртенэ, они датируются последней третью XIX в. Например, в 1873 г. в Шпетре (San Pietro al Natisone) он записал поверья, что кривопеты могут управлять градом и бояться колоколов св. Ленарта. Больше внимания кривопетам уделяется в трудах Ивана Тринко, католического священника, который боролся за права словенцев, за их язык и культурное наследие, ему принадлежит статья «Divje žene ali krivopete», опубликованная в журнале «Ljubljanski zvon» в 1884 г. Уже в ней Иван Тринко утверждал, что рассказы о кривопетах являются вымирающим жанром, и известны они только в отдельных местах в Бенечии. И. Тринко описывает кривопет как женщин с длинными косматыми волосами, живущих в пещерах и расселинах, появляющихся в основном ночью и пугающих людей. Они могли предсказывать непогоду, ради чего приходили к людям даже днем. Кривопеты питались человеческим мясом, поэтому похищали детей и съедали их. Некоторых детей они оставляли в живых и учили своей мудрости; а если такой ребенок, вернувшись, выдавал их секреты, жестоко наказывали. В статье И. Тринко содержится восемь историй о кривопетах, они записаны по памяти, так, как он запомнил с детства в своей родной деревне Тарчмун (Tercimonte) в Бенечии [3]. Некоторые сведения о кривопетах содержатся в сообщении Симона Грегорчича младшего, бывшего викария Тренты [4], а также в книге географа Франческо Музони о словенцах в Бенечии [5]. Слово *krivopetnica* именно в том виде, как его записал С. Грегорчич, попало в словарь

Макса ПлETERШНИКА [6]. К концу XIX в. относится еще запись историка Симона Рутара [7]. В XX в. рассказы о кривопетах записывали Мария Ягодич и Милко Матичетов, работая в экспедициях в окрестностях Бовца, а также учитель словенского языка из Толмина Янез Доленц со своими учениками. Странно, что Павле Мерку, который с 1965 по 1974 г. систематически собирал фольклор в Бенечии, не приводит ни одного рассказа о кривопетах. Больше посчастливилось Андреине Чичери, итальянской фольклористке, которая собрала некоторый материал в Надижской долине. Затем там же, спустя десять лет, обширный материал собрала Ада Томазетич, а также участники экспедиции под Матаюром под руководством Роберто Дапита, профессора из Удине (эти материалы были опубликованы лишь частично). Важной вехой в хронологии публикаций о кривопетах Б. Иванчич Кутин считает книгу для детей Светки Зорчевой, в ней рассказы о кривопетах художественно обработаны, однако, без сомнения, автор основывается на полевом материале. Б. Иванчич Кутин провела небольшое расследование, и ей удалось с большой долей вероятности установить, от кого Светка Зорчева могла слышать эти рассказы, а именно – от матери своей свекрови, жительницы Тренты 1875 г.р. Марии Чудер (по прозвищу Матица). Именно благодаря этой книге кривопеты обрели широкую известность и популярность в Словении. Уже в XXI в. вышла книга Ады Томазетич, в которой автор опубликовала результаты своей многолетней полевой работы среди жителей Бенечии. Оглядываясь на всю историю записи рассказов и поверий о кривопетах, Б. Иванчич Кутин приходит к выводу, что уже с 50-х годов XX в. рассказы о кривопетах не были широко распространены среди жителей, их могли рассказать далеко не все информанты. Знающих о них всегда было в разы меньше, чем не знающих.

Б. Иванчич Кутин анализирует сюжеты и мотивы рассказов о кривопетах. При этом она обращает внимание как на изменения в области характеристики кривопет и их функций, так и на трансформации в сфере сюжетов и мотивов. Описания внешности и свойств кривопет часто диаметрально противоположны: они могут выглядеть либо как прекрасные, либо

как безобразные женщины, могут как помогать людям, так и вредить им — все это позволяет говорить о них как об амбивалентных персонажах. Наиболее часто при описании внешности встречается упоминание вывернутых задом наперед стоп кривовет. В качестве причины этой деформации могли называть врожденный порок, Божью кару, чтобы ступни сбили с толку возможных преследователей. Реже встречаются описания других черт внешности, например, иногда говорится, что у них были длинные зеленые волосы и благодаря им они могли летать. Они одевались в одежду из листьев, шкуры животных, иногда они представляются женщинами в белом, что является типичным признаком вил. Другим важным мотивом является определение местопребывания кривовет. Часто называются конкретные пещеры, расселины, гроты. Во всех рассказах подчеркивается мудрость этих персонажей, они были носителями знания, которое иногда передавали людям, обладали способностью предсказывать будущее. В более ранних источниках сообщается, что кривоветы питались человеческим мясом, затем этот мотив из рассказов исчезает. В Тренте кривоветам приписывалась любовь к пению и танцам.

В мифологических рассказах о кривоветах Б. Иванчич Кутин выделяет ряд мотивов: 1) враждебность кривовет по отношению к человеку (они его похищают, используют, мучают, съедают); 2) человек ловит кривовету с помощью рассеченного ствола дерева; 3) пойманная кривовета учит людей знаниям и умениям; 4) кривоветы добровольно дают советы людям; 5) кривовета выходит замуж за человека; 6) кривовета — хранительница богатства; 7) кривовета прядет; 8) кривовета исцеляет человека; 9) кривовета просит человека об услуге; 10) кривовета наказывает человека за проступок. Границы между мотивами условны, в мифологических рассказах может присутствовать сразу несколько мотивов. Б. Иванчич Кутин подчеркивает, что эти мотивы универсальны и могут соотноситься не только с кривоветами, но и с другими мифологическими персонажами. Они встречаются не только в словенском фольклоре, но известны также в Европе и вообще в мире. Представления о кривоветах отразились также в обычаях и традициях, в том числе календарных

(выше уже упоминались обходы дворов с участием «кривовет» на зимние праздники в Тренте), от кривовет оберегались с помощью освященных трав, если в дом «ходили кривоветы», можно было избавиться от них, положив топор поперек входа. Проходя через перекресток, кривоветы, потому что верили, что кривоветы на перекрестках имеют особую силу. Хозяйки, чтобы умиловить кривовет и чтобы они послали хороший урожай, в канун Иванова дня ставили на подоконник взбитое яйцо.

Отдельную главу своего исследования автор посвящает местам пребывания кривовет. Работая в поле, Б. Иванчич Кутин проделала огромную работу, досконально выясняя, с какими конкретно местами связываются истории о кривоветах. В книге приводятся фотографии пещер, ущелий, ложбин, в которых якобы жили эти мифологические персонажи, а также дается подробная карта их расположения. Интересно, что представления о кривоветах отразились в местных микротопонимах, например: пещера *Кривонета* (*Krivopeta*) возле д. Машеры (*Masseris*), пещера *Кривонекина* (*Krivopekina*) близ д. Роунац (*Podda*), ручей *Криванета* (*Krivapeta*) недалеко от д. Барнас (*Vernasso*). В Бенечии (Надижской долине) насчитывается около десятка пещер, названия которых связываются с кривоветами (ит. *Grotta delle Krivapete*), также встречаются наименования и по другому названию кривовет, распространенному в Бенечии — *častitjove žene: Častita jama* (ит. *Grotta Sacra delle Donne sacre*), *Častitove žene jama* (ит. *Grotta delle Donne degne di lode*). Даже в каталог пещер Фриули попала одна пещера с исконно словенским названием — пещера № 1045 *Antro di Criva Peta*, расположенная вблизи д. Машеры (*Masseris*). Основываясь на данных из Бенечии, Б. Иванчич Кутин составила таблицу: в первой графе дается цитата из рассказа, содержащая указание на местопребывание кривовет, во второй графе содержится классификация места (пещера, ущелье, ручей, лес и т.д.), все данные сопровождаются информацией о месте записи и источнике. Таблица наглядно демонстрирует, что наиболее распространенными местами пребывания кривовет являются пещеры, которые находятся в ущельях, речных оврагах; как правило, это труднодоступные

места. Автор приходит к выводу, что коллективная память является частью процессов, связанных с идентичностью, особенно ярко это отражается в рассказах, соотносящихся с конкретным пространством, в котором живет то или иное сообщество людей. Б. Иванчиц Кутин подчеркивает, что представления о кривопетах самым тесным образом связаны с пространством, поэтому в отрыве от места, где они бытуют, вдали от тех пещер и ручьев, где кривопеты, согласно традиционным представлениям, жили, эти рассказы обречены на исчезновение. Даже когда истории и поверья о кривопетах записываются, сохраняются топонимы, остаются следы памяти о них, закреплённые в языке: например, о женщине неопрятного вида говорят, что она «как кривопета» (*kot kakšna krivopeta*), когда ребенок плохо себя ведет, его пугают: «*Počaj, pride (te ponese) krivopeta!*» (Подожди, придет (унесет тебя) кривопета!).

Небольшая глава книги посвящена наименованиям кривопет и их географическому распределению. Основная модель номинации связана с главным признаком персонажа — деформированными ступнями. Названий, созданных по данной мотивационной модели, встретилось больше всего: *dujepetka*, *karjupeta*, *krevjapeta*, *kriapeta*, *kravie pete*, *kriopeta*, *krivapecta*, *krivapeka*, *kriva peta*, *krivapeta*, *kriva petnica*, *krivepeka*, *krivjopeka*, *krivjopeta*, *krivopeta* (*kriwopeta*), *krivopetnica*, *krivupeta*, *patanoga*, *predopetnica*. Их форма каждый раз связана с местным диалектом. Однако имеются также и другие наименования — уже упомянутое *častitove žene* (Бенечия), а также *skarbababa*, *baba*, *duja baba*, *bela žena*, *brdovika*. Особенным разнообразием отличается материал из Бенечии, однако не всем записям можно доверять, потому что иногда они делались людьми, плохо знающими словенский язык и не владеющими диалектом, часть записей выполнена студентами. Географическое распределение названий продемонстрировано на карте, составленной специально для книги диалектологом К. Кенда-Еж.

В последней главе, посвященной кривопетам в современной культуре, Б. Иванчиц Кутин отмечает, что с течением времени рассказы о них претерпевают изменения, исчезают мотив каннибализма и другие наиболее «страшные» их черты.

Эти процессы происходят в результате трансформации социальной и экономической ситуации: с развитием средств массовой информации мифологические рассказы теряют свою социально-педагогическую функцию и превращаются в продукт, адресованный детям. В последнее время также наметилась тенденция использовать тему кривопет в туристической индустрии, и это также влияет на сюжетику рассказов о них (кривопеты все чаще предстают как существа дружелюбные по отношению к человеку). Образ кривопеты постепенно превращается в своеобразный символ Бенечии, все чаще и чаще его можно встретить в средствах массовой информации, на рекламных плакатах; появляются художественные изображения кривопет, куклы, скульптуры, о них ставятся спектакли, сочиняются песни и т.д. Автор утверждает, что в последнее время персонаж «кривопета» переживает своеобразный расцвет, переместившись из сферы фольклора в область фольклоризма. Истории о кривопетах звучат на литературных вечерах, их рассказывают учителя в школе, организуются туристические экскурсии по пещерам, в которых они якобы жили, издаются книги рецептов «от кривопет» и т.д. Коммерческие цели диктуют свои условия — интерпретации сюжетов о кривопетах порой настолько далеки от традиционного источника, что от кривопет иногда остается только название и / или отдельные ассоциации. Автор приводит множество иллюстративного материала (фотографии плакатов, объявлений, афиш, произведений изобразительного искусства и пр.), который демонстрирует описанные ею тенденции.

Книга Б. Иванчиц Кутин о кривопетах представляет собой пример досконального исследования, в котором объект (мифологические рассказы о кривопетах) рассматривается во всей полноте (автор анализирует все доступные записи о кривопетах, которые имеются в ее распоряжении). Она пытается показать динамику трансформации сюжетов о кривопетах, начиная с самых ранних фиксаций и заканчивая современным состоянием традиции, а также тем всплеском творческой активности, на которую современного человека вдохновляет традиционная культура, даже если это творчество порой неотделимо от коммерческой составляющей.

Огромным достоинством книги является то, что в ней автор впервые вводит в научный оборот корпус текстов, большинство из которых было собрано ею самой в экспедициях или найдено в архивах. Благодаря тому, что представления о кривопетах имеют ограниченный ареал распространения, автору удалось собрать в книге практически все имеющиеся свидетельства, однако, как говорит она сама, тему кривопет нельзя считать полностью исчерпанной. Б. Иванчиц Кутин в своей книге пытается поместить представления о кривопетах в широкий контекст (не только европейский, но и мировой), что позволяет выявить в поверьях о них как генетические, так и универсальные черты, свойственные различным мифологическим системам (например, к таким чертам относится мотив о браке кривопет с обычными мужчинами). Диахронический анализ рассказов о кривопетах выявляет особенности исторического развития исследуемого региона, которые сказывались на сохранности материала (на территории современной Италии рассказы о кривопетах сохранились лучше). Книга адресована не только тем, кто интересуется традиционной культурой, историей и диалектами словенско-итальянского пограничья, но и широкому кругу читателей, она написана ясным языком, снабжена

богатым иллюстративным материалом, а также всем необходимым научным справочным аппаратом — внушительным списком использованной литературы и источников, предметно-тематическим указателем, резюме на итальянском и английском языках.

© 2019 г. М.В. Ясинская
marusiaya@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Tomasetig Ada*. Od Idrije do Nediže (Dal Judrio al Natisone). Udine, 2010.
2. *Cirlot J.E.* A dictionary of symbols. London, 1984.
3. *Trinko I.* Divje žene ali krivjopete // Ljubljanski zvon. 1884. № 4 (1.4).
4. P-ov. (Gregorčič Simon ml.) Narodne bajki // Slovan. 1884. № 39 (18.9.1884).
5. *Musoni Francesco*. La vita degli Sloveni. Palermo, 1893.
6. *Pleteršnik Maks*. Slovensko-nemški slovar 1 (A—O). Transliterirana izdaja / Ur. Metka Furlan. Ljubljana, 2006.
7. *Rutar S.* Slovenska zemlja. Opis slovenskih pokrajin v prirodoznavskem, statističnem, kulturnem in zgodovinskem obziru. III del. Beneška Slovenija. Ljubljana, 1899.